

Шляков Алексей Владимирович

НОМАДИЗМ ПОСТМОДЕРНА: КЛАССИФИКАЦИИ МОДЕЛЕЙ НОМАДНОСТИ

В данной статье исследуется актуальный феномен постсовременного общества - номадизм (глобальное кочевничество). Анализируются существующие типологии этого феномена, произведенные отечественными и зарубежными исследователями. Выявлено, что агентами номадизма могут выступать не только люди, но и вещи, и идеи. В качестве исследовательской задачи предпринята попытка авторской классификации номадизма по разным основаниям и системообразующим признакам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. С. 204-207. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

WHAT METAPHORS OF MEMORY MEAN

Shevtsov Konstantin Pavlovich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University
shvkst@gmail.com

The article reveals the significance of metaphor for memory analysis. The combination of logical and sensory components in metaphor creates the effect of represented opinions and thus introduces the activity of memory by structurally related objects and processes, especially recording, scroll, books and library. Two different moments are essential in the metaphor of writing; they allow distinguishing, on the one hand, recording substrate, and, on the other hand, activity on the decoding and interpretation of written symbols.

Key words and phrases: metaphor; model; memory; picture; letter; storage; associations; given of the past; recollection.

УДК 130.3

Философские науки

В данной статье исследуется актуальный феномен постсовременного общества – номадизм (глобальное кочевничество). Анализируются существующие типологии этого феномена, произведенные отечественными и зарубежными исследователями. Выявлено, что агентами номадизма могут выступать не только люди, но и вещи, и идеи. В качестве исследовательской задачи предпринята попытка авторской классификации номадизма по разным основаниям и системообразующим признакам.

Ключевые слова и фразы: номадизм; номадность; оседлость; типология; мобильность; движение.

Шляков Алексей Владимирович, к. соц. н.

Тюменский государственный нефтегазовый университет
schafferhund@rambler.ru

НОМАДИЗМ ПОСТМОДЕРНА: КЛАССИФИКАЦИИ МОДЕЛЕЙ НОМАДНОСТИ©

Сегодня, в ситуации постмодерна, все больше внимания в гуманитарном дискурсе уделяется новой метафизике – номадологии, которая была разработана Ж. Делезом и Ф. Гваттари [4]. Реалии современного мира, связанные с постоянно возрастающей мобильностью, подвижностью не только людей, но и вещей актуализируют потребность поиска нового инструментария, позволяющего увидеть и исследовать движение в самом движении. Существующие методы истории, социологии, философии, основанные на теории седентаризма, подразумевали обязательную остановку либо движущегося объекта, либо наблюдателя. При таких обстоятельствах в исследовании движения терялось самое главное: само движение. Номадология позволяет включить движение в саму процессуальность, что делает возможным обнаружение нового качества самой социальности постмодерна – номадизма, глобального кочевничества. Феномен номадизма исследовался рядом зарубежных и отечественных исследователей, среди которых необходимо назвать Ж. Аттали, З. Баумана, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Дж. Урри, А. М. Бекарева, Ж. В. Кормину, А. К. Секацкого, К. А. Семенюк, которые в своих исследованиях предпринимали попытки классификации этого явления по типам. Анализу некоторых типологий и посвящена данная статья.

З. Бауман в качестве отправной точки классификации рассматривает понятие «идентичность», исследуя ее трансформацию при переходе от модерна к постмодерну. Он обнаруживает, что вещи, которые выступали носителем идентичности, в модерне претерпели фундаментальные изменения. От заботы о долговечности носителя функция предмета идентичности сместилась в сторону функции уклонения от обязанностей, а сама идентичность стала игрой по свободному выбору, театральным представлением своего «Я» [1, с. 133]. В качестве исходной фигуры, из которой рождаются новые номадические субъекты, Бауман рассматривает фигуру паломника.

Для паломника важны только улицы, а не дома, потому, что дома искушают возможностью отдыха, расслабления, забвения собственного назначения [Там же]. Что бы мы ни делали, мы всегда остаемся паломниками во времени. Постсовременный мир, с точки зрения З. Баумана, превратился в пустыню и чтобы не затеряться в ней человек вынужден стать паломником, дабы придать бесцельному топтанию вид осмысленного движения. В безнадежных попытках построить свою идентичность, паломничество, являясь номадической стратегией, отвергающей любую фиксированность, в ситуации постмодерна проявляется в следующих стилях: фланер, бродяга, турист и игрок. З. Бауман классифицирует постсовременных номадов как потомков паломника.

Фланер. Его жизненный стиль – это скольжение по социальной поверхности, пребывание среди посторонних, будучи при этом всем посторонним. Его функция – находиться в толпе, но не принадлежать ей, и воспринимать других, как поверхности. Фланирование – это скольжение по человеческой реальности, которая

представляется серией отрывочных эпизодов без прошлого и будущего. Встречи для фланера это случайные пересечения без взаимного влияния. Гуляния, производимые недавними маргинальными элементами на обочине реальной жизни, стали самой жизнью.

Повсеместно возводимые торговые центры являются, чуть ли не единственным местом проведения досуга для сегодняшнего человека постмодерна. В этих пространствах фланеры движутся мимо друг друга, встречам гарантирована эпизодичность, а взгляды скользят по поверхности [Там же, с. 141].

Бродяга, в отличие от паломника движется непредсказуемо, у него нет пункта назначения. Им движет желание освободиться от пут, сосредоточенных в местах власти. Терпение окружающих, с одной стороны, и зов из других мест, с другой, побуждают его блуждать между привалом-остановкой или скачком в новую неизвестность. Бродяга везде чужой, куда бы он ни шел, и никогда не станет своим, не укоренится. Если в модерне бродяга ходил по оседлым местам, то в постмодернистской реальности практически не осталось оседлых мест. Все люди озадачены поиском «своего» места на земле, в жизни, в обществе и потому пребывают в постоянном движении. В номадизме постмодерна появление фигуры бродяги обусловлено уже не нежеланием или неспособностью к оседлому существованию, а отсутствием оседлых мест.

Турист, как и бродяга, везде «чужой», но между этими стилями номадности существуют серьезные отличия. Если у бродяги номадический импульс приобретает в основном от внешнего воздействия, то у туриста он обусловлен внутренней тягой, влечением к новизне. Его манит новизна переживаний. Турист жаждет погружения в новое, но при условии, что это новое не поглотит его, что новизна может быть оставлена в любой момент, пока она не перестала быть экзотичной, но безопасной.

Если бродяга свыкается с состоянием собственной неприкаянности, безместности, бездомности, то туристу положено иметь Дом, место обязательного возвращения, уюта и подлинной безопасности. Но по мере того как туристические вылазки учащаются, поглощают больше времени, когда склонность к путешествиям превращается в образ жизни, в характере возникает проблематизация обнаружения и узнавания среди посещаемых мест «своего» Дома. Нарастающее развитие глобальной туристической индустрии, позволяющее туристу везде чувствовать себя «как дома», делает различие между «там» и «здесь» практически неощутимым. Тоска по Дому проявляется у туриста не в желании быть «в», а в мечте выйти «из».

Игрок. Желание уйти от предсказуемости реальности приводит человека к игре, в которой нет ни неизбежности, ни случайности (ибо возникновение случайности возможно только в мире детерминаций). В столкновении игрока и мира нет закономерностей, им движет риск и угадывание ходов соперника. Стиль номадности игрока – это забегание вперед. Игра создает собственный универсум замкнутых областей смысла. Она имеет начало и конец: начало должно предполагать равноправие стартовых возможностей и этим гарантировать конец, исключающий наличие дополнительного времени. Будущая игра опять начнется с чистого листа. Чтобы последствий от игры не было игрок должен помнить, что это всего лишь игра, но в ней нужно победить и не должно быть места жалости, сочувствию, состраданию и угрызениям совести (этим игра похожа на войну).

Перечисленные стили номадического поведения, проявляющиеся в постмодерне фланер, бродяга, турист, игрок, имеют общие свойства, такие как фрагментарность межличностных отношений, их прерывность, неприятие долговременности взаимных обязательств, дистанцированность между «собой» и «другими» [Там же, с. 154].

Английский социолог Дж. Урри для описания мобильностей отказывается от противопоставления «центр» – «периферия» и обращается к метафорам сетей и потоков [Цит. по: 8, с. 23]. Метафора потока позволяет избавиться от представлений о начальной и конечной точках и санкционирует мыслить движение в его материальности без преувеличения его направлений и управляемости.

Социальные связи синтезируются в сети, которые перемещают потоки товаров, денег, людей, идей. Социальный мир рассматривается Дж. Урри как поле множественных пересечений систем мобильностей. Он предлагает рассматривать номадизм в свете мобильностей не только людей, но и вещей, выделяя четыре смысла понятия «мобильность»: 1) это что-то движущееся или способное к движению; 2) толпа, неуправляемая в силу своей подвижности; 3) восходящая и нисходящая социальные вертикальные мобильности; 4) географические, миграционные перемещения в горизонтальном срезе [9, с. 7-21]. Движение вещи нужно рассматривать не как подчиненное воле человека, а как элемент соучастия в человеческих практиках. Это подтверждает и расселение растений, которое не всегда происходит по очевидной человеческой логике.

Дж. Урри выделяет следующие типы мобильностей людей и вещей: 1) удержание на месте; 2) прикрепленность к месту; 3) временная остановка; 4) портативность; 5) часть мобильного тела; 6) протез; 7) компонент мобильной системы; 8) основанность на коде [8, с. 24]. Парадигма новых мобильностей Дж. Урри – это возможность их интерпретаций в качестве образований, заданных множественными вариантами движения, ритмов и скорости [10, с. 8].

Ж. В. Кормина, производя классификацию номадизма применительно к организации православной жизни, обнаруживает, что в религиозной жизни постмодерна с новой силой проявляются номадические тенденции. Она выделяет четыре режима православной номадности: общинный (приходской), паломнический, сетевой и режим «флешмоба». В качестве критерия типизации выступают: место локализации религиозной харизмы, предмет ее легитимации и способ обеспечения к ней доступа [5, с. 199-200].

В общинной (приходской) модели, которая представляет классическую структуру религиозной жизни, распределителем харизмы является Церковь. Харизма освящена и легитимирована традицией и присутствует в священстве, священных предметах, церковных таинствах.

Паломничество представляет собой модель номадности, в которой харизма, предлагаемая институтом Церкви, желает быть пережита за пределами стен храма и без контроля со стороны общины и священства.

Сетевизм. Новая альтернативная модель православного номадизма, ищущая «живую» веру. Испытывая потребность в новых святых людях и местах, сетевики видят сосредоточение религиозной харизмы в старцах («живых святых»), которые обладают даром предвидения, исцеления, утешения.

Православный «флэш-моб» связан с феноменом кочующих святынь, когда прибытие святого артефакта в тот или иной населенный пункт создает в нем событие и материализацию религиозной харизмы, побуждая верующих совершать движение к ней для поклонения [Там же, с. 200]. Феномен «странствующих святынь» в жизни русского православия отмечен и в работе А. Д. Виноградова [3].

Для описания различий между режимами православной номадности Ж. В. Кормина обращается к оппозиционной паре «локальность» – «историчность». Под локальностью подразумевается устойчивая идентификация верующего или группы с определенным местом. Под историчностью понимается устойчивость совокупности социальных связей во времени. Тогда общинная номадность будет характеризоваться локальностью и историчностью. Паломничество не локально и не исторично. Сеть – не локальна и исторична. «Флэш-моб» – номадность, которая локальна и не исторична. Возникающий конфликт между традициями Православной Церкви и новыми формами религиозной жизни может быть описан как усиление номадных тенденций постмодернистского общества [5, с. 202].

Исходя из того, что важнейшими характеристиками номада выступают скорость и интенсивность [4, с. 324], отечественный философ А. К. Секацкий предлагает типологию номадов по номадическим скоростям, основанную на хроносенсорном переживании единицы происходящего [6, с. 228]. Эти стадии именуются: предчувствием номада, первой, второй и третьей номадическими скоростями.

Исходная точка – это стадия предчувствия номада, момент экзистенциального затишья, стадия принятия решений. В этот момент все привычное, связанное с жестким расписанием, оставляется, ежедневные дела – откладываются. Дорога еще никуда не привела, но уже позволила вырваться из пресса времени. Эта часть пути связана с раздумьем о том, что и кто будет покинуто. «И если дорога не экранирована от собственного времени в пути, если нет заикленности на пункте прибытия, то наступает предчувствие номада» [Там же, с. 229]. В этот момент становящийся номад ставит под сомнение необходимость исполнения обещаний тем, кому обещал, и необходимость быть в ответе перед теми, кого приручил. Происходит преодоление собственной неизымаемости.

Первая номадическая скорость обретается уже в пути. При этом происходят важные трансформации телесности субъекта. В пути совершается удаление от привычного и приближение к непривычному, а этим непривычным первым встречным может оказаться наше «Я». «Я» покидаемое и «Я» обретаемое не одно и то же. Когда позади оставлены все подтверждения нашей самости со стороны близких и знакомых, то признанность «Я» становится проблематичной. Отсутствие визуального подкрепления привычной телесности и устойчивого ролевого репертуара есть признак «брошенности», то есть обретения номадом первой номадической скорости или свободного падения.

Вторая номадическая скорость достигается в результате осуществления самосборки «Я» в новых условиях движения. Прежние стационарные условия были стабильны и просто перегруппировывали уже имеющиеся навыки адаптации, но в точке заброшенности номада это не может осуществиться, так как длящееся нахождение в пути сталкивает расплывчатую самость с другими расплывчатостями [Там же, с. 230]. Нет места обростанию тяжестью тела, поэтому номад обретает летучую форму, элементы которой удерживаются лишь притяжением собственного кочующего центра. Эта вторая скорость создает легкость тела, позволяя пробивать плотные слои озабоченности.

И, наконец, третья номадическая скорость, скорость невозвращения номада к привычному, оседлому, повторяющемуся бытию, обретение нулевой массы покоя. Данное состояние позволяет вырваться из посятороннего мира и преодолеть трагизм обреченности на вечные скитания.

Скорость номада это показатель обретенной свободы. При первой скорости рвутся привычные узы, усиливается дистанцирование от ближних, при второй номад преодолевает силу инерции зависимости от взаимозабот. Третья дает возможность услышать позывные чистого авантюрного разума и утратить массу покоя, оставить весомость бытия и груз собственной самости.

А. М. Бекарев выделяет в постмодернистском мире XXI века следующие формы номадизма: сетевизм, глобальные корпорации, диаспоры [2, с. 25]. Сети делают человека привлекательно свободным в глобальном пространстве, существенно ослабляя его социальные связи. Сети формируются в основном в экономике и располагаются стратами: финансовыми, торговыми, корпоративными. После того как символический сектор экономики отделился от реального (производство товаров), финансовые сети поработили все остальные, включая и политические. С финансовыми сетями тесно связаны торговые. Война брендов и марок приводит к стратегии слияния и поглощения. Крупные компании превращаются в транснациональные, а затем приобретают характер номадной, ризомной корпорации. Возникает «сетевой империализм» – номадизм [Там же, с. 27], основанный на триаде капитал-власть-слава. Он всегда что-то обобщает: товары, вещи, духовные сущности, что необходимо для реализации важного принципа постсовременности – обладания. А для обладания необходимо совершать постоянные движения, то есть стать кочевником.

Приведенные в статье типологии иллюстрируют сложность соединения в рамках концепта номадизма различных видов движений, стилей поведения с их возможными смыслами и значениями. В свою очередь, автор предлагает в качестве рабочей версии производить возможную классификацию номадных практик по следующим критериям: по полю номадности (материальное – социальное – духовное), материальное (локальные пространства – замкнутые пространства), социальное (поле горизонтальных мобильностей – поле вертикальных мобильностей), духовное (религиозное творчество – научное творчество – художественное творчество). Возможна классификация по агенту номадности с системообразующими признаками рукотворности (материальные предметы – виртуальные объекты) и нерукотворности (человек – животное – растение). Так, материальные агенты могут быть представлены движущимися предметами, предметами, побуждающими к движению, предметами, нуждающимися в движении. Виртуальные объекты номадности могут быть носителями экономической информации (котировки, курсы валют, состояние счета банковской карты), политической (возвеличивание себя, унижение другого), социальной (милосердие, благотворительность), аксиологической (обмен этическими и эстетическими суждениями). Человек может избирать вектор номадизма по принуждению (бомж, бездомный, беженец) и добровольно («вахтовики» по профессии, странник, турист, паломник, трудовой мигрант) [11, с. 50]. Дальнейшие исследования феномена номадизма могут обнаружить иные критерии типологии и новые системообразующие признаки номадности.

Возрастание интереса к проблеме номадизма со стороны различных наук связано с наблюдающимся ростом скоростей и интенсивности социальных изменений. Как видно, номадизму подвержены не только люди, но и вещи и идеи. Неограниченная мобильность, приветствуемая с энтузиазмом рядом авторов, и рассматриваемая ими не как бесцельное скитание, а как духовный поиск человека на пути культурного развития [7, с. 67], вызывает определенный скепсис и настороженность. Так как эта всевозрастающая подвижность включает неустойчивое движение не только материальных объектов, но и нравственных установок, ценностных ориентиров. Поэтому при анализе концептуальных инноваций номадизма необходимо учитывать связь разрывов и преемственности, диалектику подвижности и устойчивости, отношение инноваций и традиций.

Список литературы

1. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133-154.
2. Бекарев А. М. Современный номадизм: проблемы организации и дезорганизации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 25-29.
3. Виноградов А. Д. «Странствующие святые» и современное русское православие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. 1. С. 41-47.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / пер. с франц. Я. И. Свирского. М.: Астрель, 2010. 895 с.
5. Кормина Ж. Номадическое православие: о новых формах религиозной жизни в современной России // Ab Imperia. 2012. № 2. С. 195-227.
6. Секацкий А. К. Книга номада // Секацкий А. К. Три шага в сторону. М.: Амфора, 2000. С. 228-276.
7. Семенов К. А. Номадическая сингулярность и бунт блудного сына: рефлексия о метафорах культуры // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 64-67.
8. Трубина Е. Г. Мобильность и седентаризм в социально-теоретическом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. 2012. Сер. 3. № 2. С. 22-34.
9. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
10. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высшая школа экономики, 2012. 336 с.
11. Шляков А. В. Бродяжничество: социокультурный анализ. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 140 с.

NOMADISM OF POSTMODERNITY: CLASSIFICATIONS OF MODELS OF MIGRATORY HABITS

Shlyakov Aleksei Vladimirovich, Ph. D. in Sociology
Tyumen State Oil and Gas University
schafferhund@rambler.ru

The article studies a topical phenomenon of post-modern society – nomadism (global nomadism). The analysis of the existing typologies of the phenomenon conducted by domestic and foreign researchers is presented. The paper reveals that not only people, but also things and ideas can act as agents of nomadism. As a research task the author undertakes an attempt to create his own classification of nomadism by various grounds and framework features.

Key words and phrases: nomadism; migratory habits; sedentary; typology; mobility; movement.